
Кет Пенубра
Под нами
светло

Кет Пенубра
Под нами светло

https://litres.ru/74714679
SelfPub; 2026

Аннотация

В городе, где чувства выдаёт свет ламп. Пока под землёй не появляется человек, у которого лампы нет.

Содержание

Глубина 1 · Ила	4
Глубина 2 · Арсений	6
Глубина 3 · Ила	7
Глубина 4 · Арсений	8
Глубина 5 · Ила	10
Глубина 6 · Арсений	12
Глава 7 · Ила	14
Глубина 8 · Арсений	16
Глубина 9 · Ила	18
Глубина 10 · Арсений	20
Глубина 11 · Ила	22
Глубина 12 · Арсений	24
Глубина 13 · Ила	26
Глубина 14 · Арсений	28
Глубина 15 · Ила	30
Глубина 16 · Арсений	31
Глубина 17 · Ила	33
Глубина 18 · Арсений	35
Глубина 19 · Ила	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кет Пенубра
Под нами светло

Глубина 1 · Ила

Моя лампа горит ровно. Всегда. Как будто ей всё равно.

Утром Тоня из соседней ниши вышла с чайником и, как обычно, посмотрела не на меня, а на мой светильник над дверью.

— Опять ничего не чувствуешь? — вздохнула она.

— Я чувствую, что хочу чаю.

Её лампа тут же вспыхнула тёплым оранжевым: Тоня смеялась. Моя не дрогнула. У нас в Нижнем городе так: соврать трудно, лампа выдаст. Влюбился: она розовеет. Загрустил: тускнеет. Мне двадцать шесть, и мой светильник ни разу не менял цвет. Тоня считает, что у меня «закрытое сердце». Я считаю, что у меня просто много работы.

Я чиню чужие лампы в дальних тоннелях. Это честная профессия: чужие чувства всегда немного барахлят. Сегодня у меня вызов на Седьмую ветку, там что-то обвалилось, и все лампы мигают от страха.

Я взяла сумку с проволокой и стёклами. Тоня крикнула вслед:

— Если встретишь кого-нибудь интересного, дай знать!

— Тоня, на Седьмой ветке только камни.

Я не знала, что через час этот ответ перестанет быть правдой.

Свет оставляю включённым.

Глубина 2 · Арсений

Я падал, наверное, секунд пять. Потом упал.

Первая мысль: теодолит цел? Вторая: нет, не цел. Третья: почему так светло?

Я лежал в какой-то каменной трубе, а вокруг, куда ни глянь, висели лампы. Сотни. Маленькие, стеклянные, они светились розовым, золотым, синим, и каждая как будто немного дышала. Я решил, что ударился головой и теперь смотрю на красивую галлюцинацию.

Телефон мёртв. Рация молчит. Бригада наверху, вероятно, уже пишет акт о моей гибели, и мне очень не хотелось, чтобы они успели его подписать.

Я крикнул: «Эй! Есть кто-нибудь?»

Эхо вернулось не сразу, будто тоннель сомневался, стоит ли мне отвечать. Потом я крикнул ещё раз, уже громче, и на всякий случай добавил слово, которое мама советовала кричать, если потерялся: «Помогите!»

Одна из ламп вдалеке дёрнулась и погасла. Я подумал: вот и всё, теперь я ещё и свет в чужих галлюцинациях гашу.

Тогда я услышал шаги. Лёгкие, быстрые, чуть сердитые. Так ходят люди, которых вызвали не вовремя.

Свет оставляю включённым.

Глубина 3 · Ила

Он лежал у обвала, весь в пыли, и пытался подняться на локтях. Я остановилась в трёх шагах.

Первое, что я заметила: у него нет лампы. Совсем. Ни на поясе, ни на шее, ни за плечом. У всех в Нижнем городе она есть с рождения, а у него только пустое место.

Второе: я не поняла, что он чувствует.

Понимаете, я привыкла читать людей по свету, как по открытой странице. А тут страница чистая. Он смотрел на меня, и я не знала, боится он, злится или рад. Лицо говорило одно, глаза другое, а света, который бы подсказал, не было.

— Вы целы? — спросила я.

— Кажется, да, — сказал он. — А вы настоящая?

Я хотела ответить колко, но вдруг заметила, что рассматриваю его слишком долго. Он был немного смешной: в какой-то странной куртке, с разбитыми очками в кармане, весь в каменной пыли. И очень живой.

Моя лампа за спиной мягко гудела. Я не стала оборачиваться.

— Идёмте, — сказала я. — Я знаю место, где вас не найдут.

Свет оставляю включённым.

Глубина 4 · Арсений

Она привела меня в старую насосную. Там было сухо, тихо и пахло металлом. Ила налила мне воды из жестяной фляги и сказала:

— Сидите здесь. Никуда не выходите. Если спросят, вас нет.

— А если спросят, кто я?

— Тогда вы тем более нет.

Я улыбнулся. Она, кажется, обиделась. Стояла, скрестив руки, и смотрела на меня как на неисправный прибор. Я сказал:

— Вы всегда такая строгая?

— Я осторожная.

— Это разное.

— Для вас, наверху, может быть.

Мы замолчали. Я заметил, что у неё за спиной тоже висит лампа, обычная, как у всех, но почему-то она одна во всём тоннеле горела так спокойно, будто ей было всё равно, что происходит.

Потом я рассмеялся. Не над ней, просто от усталости: я упал под землю, меня спасла девушка с проволокой в сумке, а я ещё и спорю с ней о слове «осторожная».

И вот тогда лампа за её спиной дёрнулась.

Едва заметно. Один раз. Как моргнул глаз.

Ила обернулась так резко, что чуть не уронила флягу. Посмотрела на лампу, потом на меня, потом снова на лампу.

— Это ничего, — сказала она. — Это просто… сквозняк.

Я не стал спорить. Хотя сквозняка в насосной не было.

Свет оставляю включённым.

Глубина 5 · Ила

К вечеру весь квартал уже знал.

Не про Арсения, про него я никому ни слова. Про мою лампу.

Тоня встретила меня у ниши с таким лицом, будто я принесла ей сто лет счастья.

— Говорят, у тебя мигала лампа! — Она шептала, но так, что слышали, наверное, на соседней ветке. — Это правда? Кто он?

— Какой «он»? Это сквозняк.

— У нас в тоннелях не бывает сквозняков, Ила!

Тут я поняла, что попалась. Весь день на меня смотрели из окон. Мальчишка-разносчик, проходя мимо, специально задержался и глянул на светильник над моей дверью. Две старушки у лестницы замолчали на полуслове.

Ужасно. Тридцать лет ничего, и вот на тебе: одно мигание, и ты звезда квартала.

Я вернулась домой, закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и подняла глаза.

Лампа горела ровно. Совсем как всегда.

Но мне уже казалось, что она просто делает вид.

В дверь тихо постучали. Один раз, потом ещё два. Так стучат те, кто не уверен, что им откроют.

Я не знала, кто это. Знала только одно: у нас в Нижнем

городе свет не умеет врать. Значит, если завтра он мигнёт снова, весь тоннель узнает, что я чувствую, раньше, чем я сама.

Свет оставляю включённым.

Глубина 6 · Арсений

Стучал я. Один раз, потом два. Мне казалось, что так стучат вежливые люди.

Мне велели сидеть в насосной. Я сидел. Часа три. А потом заметил, что по трубам идёт эхо чужих разговоров, и сквозь железо отчётливо донеслось: «…лампа мигнула… у Илы… вечером соберёмся посмотреть…»

Я вообще-то человек, который выполняет инструкции. Но тут подумал: девушка, которая спасла мне жизнь, сейчас живёт в окружении соседей с биноклями. А я, значит, сижу на ящике и жую воздух.

Ила открыла дверь и посмотрела на меня так, будто я лично разжёг этот скандал.

— Я же сказала: вас нет.

— Меня и нет. Это моя тень. Я пришёл предупредить: сегодня вечером весь квартал собирается смотреть на вашу лампу.

— Какой ужас.

— Они даже пирог принесут.

Она закрыла глаза и тихо сказала слово, которого я не знаю, но по интонации понял.

С улицы раздался скрип: кто-то уже шёл по тоннелю в нашу сторону.

— Заходите, — шепнула Ила и втащила меня внутрь за

рукав.

И в этот момент её лампа дёрнулась. Второй раз за день.

Она сделала вид, что ничего не заметила. Я сделал вид, что тоже.

Свет оставляю включённым.

Глава 7 · Ила

Он спал на полу, свернувшись на моём старом коврике. Я лежала на кровати и смотрела в потолок, как будто там написан ответ.

Проблема была не в том, что в моём доме ночует человек с поверхности. Проблема была в лампе. Она висела над дверью и вела себя как свидетель на допросе: вроде молчит, а вроде всё видит.

Ночью я встала и повесила на неё платок.

Через минуту услышала с пола:

— Вы закрыли лампу?

— Нет.

— Она под платком.

— Это шаль. Лампа мёрзнет.

Он хмыкнул. Потом сказал в темноте:

— А хотите, расскажу про солнце?

Я не ответила, но и не сказала «нет». Он начал. Говорил, что это такая лампа, которая никому не принадлежит. Что она висит высоко, а светит всем сразу. Что на неё нельзя смотреть, но от неё идёт тепло.

— И она никогда не гаснет? — спросила я.

— Только по ночам. Но потом возвращается.

Я лежала и думала: какая глупая выдумка. Лампа, которая светит всем, без выбора. Кто же станет так жить?

Под платком что-то тихо потеплело.

Я не стала смотреть. Но заснула в ту ночь первой за много лет.

Свет оставляю включённым.

Глубина 8 · Арсений

Утром пришла Тоня. С пирогом, конечно.Я успел только натянуть куртку и встать у стены с видом человека, который здесь всегда стоял. Ила произнесла, не моргнув:

— Это мой двоюродный брат. С Девятой ветки.

— У тебя нет двоюродных братьев, — сказала Тоня.

— Теперь есть.

Тоня подошла ко мне почти вплотную и вдруг прищурилась.

— А где твоя лампа?Я открыл рот. У меня в жизни было много плохих ответов на неожиданные вопросы, но этот мог занять первое место.

— Потерял, — сказала Ила за меня. — В обвале.

— Лампу?! — Тоня схватилась за сердце. Её собственный светильник тут же вспыхнул тревожным жёлтым. — Бедный мальчик! Без лампы нельзя, это же всё равно что без лица. Пошли в Мастерскую Огней, там старая Фекла даст запасную.

— Нет, — быстро сказала Ила.

— Да! — сказала Тоня.

Я стоял между двумя женщинами, одна из которых хотела меня спасти, а другая не хотела, чтобы меня трогали. Я понял, что в обоих случаях оказался в хорошей компании.

— Я схожу, — сказал я. — Мне говорили, что ходить без

лампы неудобно.

Ила посмотрела на меня так, будто в уме уже писала мне надгробие.

Свет оставляю включённым.

Глубина 9 · Ила

Мастерская Огней пахнет горячим стеклом и пылью. Фекла, хозяйка, сухонькая старушка с руками, как корни, посмотрела на Арсения секунд десять.

— Без лампы, — сказала она. — Интересно.

— Потерял, — повторила я. Уже в третий раз. Если лгать так долго, это почти становится правдой.

Фекла достала с полки простую стеклянную лампу, запасную, для таких, как он, и вложила Арсению в ладони.

Лампа не загорелась. Ни розовым, ни жёлтым, ни хоть каким-то слабым огоньком. Тёмное стекло, холодное, как камень.

— Ну вот, — тихо сказала Тоня. — Чужой человек. Лампа его не узнаёт.

Мне было почему-то обидно за него. Я шагнула ближе, просто чтобы поправить его руку, которая держала лампу неловко, как птенца.

И лампа дрогнула.

Сперва слабо, потом ровнее, и вдруг загорелась. Не его цветом. Моим: тем ровным светлым оттенком, которым горит мой светильник каждый день.

Все замерли. Тоня тихо ахнула. Арсений посмотрел на меня.

А Фекла повернулась ко мне и сказала очень тихо:

— Значит, вот что ты прятала столько лет.

Я хотела спросить, о чём она. Но поняла, что боюсь ответа.

Свет оставляю включённым.

Глубина 10 · Арсений

Ночью я не спал. Лежал на коврике, смотрел, как Ила притворяется, что спит, и думал.

На поверхности мне двадцать лет казалось, что я нормальный. Не яркий, не тусклый, просто никакой. Никто не загорался, когда я входил в комнату. Никто не гас, когда я уходил. Я измерял землю, чертил карты, и мир ко мне не прикасался.

А тут лампа, которая отказалась светить для меня, вдруг вспыхнула её светом. Как будто она решила: лучше буду её, чем ничьей.

Я знал, что надо искать путь наверх. Бригада, акты, работа. Но слово «наверх» сегодня звучало так, будто его произносит кто-то другой.

Тихо открылась дверь. Я приподнялся. Ила стояла у порога с запиской в руках, и лицо у неё было серьёзное.

— Принесли только что. Из Совета Ламп.

— Что там?

— Приглашение на Праздник Первого Света. — Она сглотнула. — Все лампы квартала выставляют на площади. Публично. Чтобы каждый мог видеть, что у кого горит.

Мы смотрели друг на друга. Над дверью, из-под платка, пробивался слабый свет.

— Через пять дней, — сказала Ила. — И я не могу не

прийти.

Теперь, кажется, это уже не обещание, а вопрос.

Свет оставляю включённым.

Глубина 11 · Ила

Я ушла от дома, пока Арсений спал. Тихо, босиком, с лампой в руках, потому что оставить её было страшнее, чем взять.

Фекла ждала. Мастерская Огней ночью пахнет иначе: остывшим стеклом и чем-то древним, как старые письма. Она даже не удивилась.

— Садись.

— Что вы имели в виду? — Я не села. — Что я прятала?

Фекла достала из нижнего ящика свёрток, перевязанный выцветшей тесьмой. Внутри лежало детское одеяльце, грубое, не наше, из ткани, какой в Нижнем городе не ткут. На углу пришита нашивка с серыми цифрами.

— Двадцать шесть лет назад у Седьмой ветки упала корзина, — сказала Фекла. — Сверху. В ней был младенец.

Я слышала, как гудит моя лампа. Или это гудело у меня в ушах.

— Ты не отсюда, Ила. Ты оттуда же, откуда твой Арсений.

— Он не мой.

— Вот и я о том, — мягко сказала Фекла. — Лампу тебе сделала я. Но стекло в ней не наше. Оно было при тебе.

Она не стала ничего объяснять дальше. Просто положила моё одеяльце мне в руки. Оно пахло пылью и немного, совсем чуть-чуть, чем-то тёплым.

Я вышла из мастерской и поняла, что впервые не знаю, куда идти домой.

Свет оставляю включённым.

Глубина 12 · Арсений

Ила вернулась на рассвете. Села на край кровати, положила на колени лампу, свёрток и замерла.

Я спросил: «Что случилось?» Она не ответила. Тогда я сделал то единственное, что умею, когда не знаю, что делать: стал разглядывать предмет. Лампа стояла у неё на коленях, донышком ко мне.

На стеклянном ободе были выцарапаны мелкие значки.

— Что это? — Я взял лампу осторожно, как птицу. — Эти знаки… Ила, вы это видели?

— Серийный номер, — глухо сказала она. — Так мне Фекла сказала.

— Нет. Это не номер.

Я перевернул лампу к свету. В горле у меня стало сухо. Крошечный треугольник, под ним буква «В», тире, цифра семь. А ниже стрелка вверх и надпись: «41 м».

— Это репер, — сказал я. — Геодезическая отметка. Так мы метим точку, у которой известна высота. «Репер 7-В, вверх сорок один метр».

Ила подняла на меня глаза.

— Это значит…

— Что кто-то оставил здесь указание. — Я перевернул лампу ещё раз и заметил нечто совсем невероятное. — И что стекло в вашей лампе вовсе не стекло. Это линза. От теодо-

лита.

Я смотрел на деталь, которой так не хватало мне в первый день, когда мой собственный прибор разбился при падении. И понял: кто-то уже падал здесь до меня.

Свет оставляю включённым.

Глубина 13 · Ила

— Если это линза, — сказал Арсений, — она должна собирать свет в луч.

— Моя лампа никогда не собирала ничего. Она просто горит.

— Значит, мы не пробовали правильно.

Он потушил тусклую лампу в насосной, поставил мою на ящик и начал поворачивать её, как часовщик. Я стояла рядом и чувствовала себя ученицей на самом странном в мире уроке.

Сначала ничего. Потом стекло дрогнуло. Тонкий золотой луч прочертил темноту и упёрся в стену насосной.

— Азимут, — пробормотал он. — Ещё чуть-чуть…

Луч скользнул по ржавой стене, по трубам, по старой плите, которую я видела тысячу раз и никогда не замечала. На плите, вмурованной в камень, проступил знак: треугольник и «7-В».

Арсений опустился на колени и провёл пальцем по краю.

— Люк, — сказал он. — Ила, это люк. Он ведёт наверх.

Я не могла дышать. Столько лет я проходила мимо двери, которую моя мать, или кто бы она ни была, оставила для меня, а я принимала её за мусор.

Лампа в моих руках горела ровно. Но впервые ровнее, чем раньше, будто она наконец сделала то, ради чего её создали.

— Здесь сорок один метр до поверхности, — тихо сказал Арсений. — Мы можем подняться хоть сегодня.

Я посмотрела на него. На люк. Снова на него.

Свет оставляю включённым.

Глубина 14 · Арсений

Мы не поднялись. Это я знал уже тогда, когда произносил слово «сегодня».

Мы сидели на ящиках в насосной, между нами стояла лампа, а люк мерцал в её свете, как приоткрытый глаз. Я мог уйти хоть сейчас. У меня на поверхности работа, бригада, оформленная смерть. Всё это казалось сейчас таким далёким, будто относилось к другому человеку.

— Вы можете подняться, — тихо сказала Ила. — Я не обижусь.

— А вы?

— Я не знаю, где мой дом. Наверху, где я родилась и где меня никто не ждёт? Или здесь, где я выросла, а меня считали странной?

Я хотел что-нибудь умное. Сказал глупое:

— Моя лампа загорелась вашим светом.

— Я знаю.

— Фекла говорит, что стекло узнаёт своих. Что оно признало меня потому, что я с поверхности. Что это про дом, а не про… — Я замолчал. — Но я хочу знать другое. Когда ваша лампа мигает рядом со мной, это потому что я оттуда же? Или потому что…

Я не договорил. Ила смотрела на лампу и молчала так долго, что стало слышно, как капает вода в трубе.

— Я не знаю, — сказала она наконец. — Правда не знаю. Впервые в жизни мне не с кем сверить, что я чувствую.

И от этого признания лампа тихо потеплела, на самую малость.

Свет оставляю включённым.

Глубина 15 · Ила

На третье утро в дверь постучали ровно, трижды. Так стучит власть.

На пороге стоял человек в сером плаще с жёлтой нашивкой на воротнике. За спиной у него висели десять одинаковых ламп, строгих, как печати.

— Ила, лампочница с Седьмой ветки. — Он развернул свиток. — Совет Ламп ждёт вас на площади Первого Света. Завтра. Проверка публичная.

Тоня за его спиной ахнула. Я стояла, вцепившись в косяк.

— Какая проверка?

Человек в сером впервые посмотрел мне в глаза. И я увидела, что он не удивлён. Он знал.

— Проверка происхождения, — сказал он. — Совет давно хотел убедиться, откуда у вас стекло.

Он сделал шаг назад, и его десять ламп вспыхнули разом, холодно и одинаково, как открытые глаза.

— И ещё. Пригласите вашего брата. С Девятой ветки. У нас накопились вопросы к обоим.

Дверь за ним закрылась. Я обернулась. Арсений стоял в глубине комнаты, бледный, с лампой в руках.

Значит, Совет знал о нас всё с самого начала. И Фекла была права: Праздник Первого Света будет не праздником.

Свет оставляю включённым.

Глубина 16 · Арсений

Площадь Первого Света оказалась круглой, как циферблат, с куполом над головой, на котором сто лет назад кто-то выложил в камне едва заметные лучи. Вдоль всех стен на крючках висели лампы жителей, тысячи, всех цветов. Розовые, жёлтые, синие. Целая площадь чужих чувств, развешанных на просушку.

Нам с Илой выделили место перед помостом, где сидел Совет. Десять человек в серых плащах и один в центре, тот самый, что приходил к её двери. Его звали Игнат, и лампы за его спиной горели строго и одинаково.

— Ила, лампочница, — произнёс он. — Ты родилась на поверхности.

Площадь выдохнула. Именно выдохнула: я видел, как лампы вокруг дрогнули разом, будто сквозняк прошёл по всем сразу. Лампа Тони побледнела до молочного.

Ила стояла прямо. Я не мог прочесть, что у неё внутри, но я уже научился смотреть не на свет, а на руки. Её руки не дрожали.

— Это правда, — сказала она. — Я узнала три дня назад.

— Совет знал двадцать шесть лет, — спокойно сказал Игнат. — И молчал, чтобы вы росли спокойно. Но теперь появился второй с поверхности. А значит, слухи станут правдой.

Он посмотрел на меня.
— Нам придётся решить, что с вами обоими делать.
Свет оставляю включённым..

Глубина 17 · Ила

Я думала, меня будут ненавидеть. Но когда обвела площадь взглядом, увидела другое: лампы вокруг мигали тревожно, торопливо, как сердце бегущего человека. Люди не злились. Они боялись.

— Поверхность опасна, — говорил Игнат. — Кто уходит наверх, остаётся без лампы. А свет без лампы гаснет. Мы не хотим, чтобы наши дети шли за этим человеком и этой женщиной в пустоту.

— Это неправда! — раздался голос из толпы.

Тоня. С красными щеками и лампой, которая вспыхнула таким возмущённым оранжевым, что на соседей легли тёплые блики.

— Ила чинила наши лампы пятнадцать лет! Она была у меня на каждый чих! Если она с поверхности, значит, поверхность не так плоха!

В толпе кто-то хмыкнул. Потом ещё. Кто-то неловко засмеялся.

Игнат поднял руку:

— Совет предлагает следующее. Стекло из лампы Илы передаётся на хранение. Человек с поверхности регистрируется, получает лампу, подчиняющуюся Совету, и остаётся. Или…

— Или? — спросил Арсений.

— Или поднимается один. Сейчас. И никогда не вернётся.

Я повернулась к нему и впервые в жизни не стала скрывать, что мне страшно. Пусть видят.

Свет оставляю включённым.

Глубина 18 · Арсений

Хорошо. Вариантов было три, и мне не понравились два из них.

Остаться на цепи. Подняться одному и забыть, что на свете есть девушка, которая прячет страх за колкостью. Я прикинул, как бы выглядел второй вариант. Вышло: я наверху, у меня акт о гибели, который так и не подписали, и целая жизнь нормального человека. Скучного, ровного, без единого цвета.

— Есть третий вариант, — сказал я.

Площадь повернулась ко мне. Я поставил на камень свою тёмную лампу, ту самую, что Фекла дала мне в мастерской, и выпрямился.

— Я геодезист. Мы измеряем расстояния. Репер семь-В: сорок один метр вверх. Сорок один, понимаете? — Я обвёл взглядом тысячи ламп. — Это расстояние пройдёт ребёнок за час. Это не бездна. Это просто лестница, которую вам не показывали.

— Он лжёт, — холодно сказал Игнат.

— Проверьте. Я готов измерить на глазах у всех. — Я повернулся к Иле. — И я никуда не уйду без неё. И не останусь без неё. Я не выбираю между двумя мирами. Я выбираю человека, который стоит между ними.

В тишине кто-то тихо ахнул. А моя лампа на камне

вздрогнула.

Свет оставляю включённым.

Глубина 19 · Ила

Он стоял, говорил про сорок один метр, про лестницу, про меня, и мне было так хорошо и так неловко, что хотелось провалиться ещё на сорок один метр вниз.

Тогда я сделала то, что должна была сделать с самого начала.

Я сняла с лампы линзу. Вынула из оправы, осторожно, как достают из гнезда птичье яйцо. Подняла над головой.

— Это не стекло Совета, — сказала я. — Это не моя тайна. Это то, что сохранилось от света, которого вы никогда не видели.

И линза, освобождённая от лампы, вдруг ожила. Золотой луч ударил вверх, в каменный купол, и вся площадь залилась мягким светом, какого здесь не было ни разу. Тёплым, широким, ничьим. Таким светом, про который Арсений рассказывал в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.